

2013 КНИЛГО №1

КАЗАХСТАНСКОЕ
КНИЖНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

ЛЮБ

Гость номера. Татьяна Фроловская:
«Мужество трудно сохранить»
Бриллиантовый век.
Дмитрий Ревский. Юлия Белохвостова.
Людмила Бакирова. В отчем доме. Стихи

СЛОВАРЬ ЛЮБВИ

Илья Синельников, Алматы

СТИХИ

«Словарь – это вселенная,
собранная в алфавите».
Вольтер

«Что к лучшему, что к худшему – всё дело случая в
этом мире,
и единственно достоверная система – алфавит».
(Из радиопьесы «Минотавр» немецкого драматурга
Д. Веллерсхофа)

Поэт, я – Совесть.
Слог мой безупречен.
Ты, между нами говоря,
Не Божьей милостью увенчан,
А милостыней словаря

Ал

Алхимик, Алхимия (любви), Алчба, Алчный, Алый, Алыча, Альбатрос, Альбинос

АЛХИМИК

Луи де Клермон де Бюсси д'Амбуаз¹,
Любитель бургундского зелья,
Хвастнул в Тюильри², что он тысячу раз
Брал приступом мадмуазелей.

Как тут же Антэрос³ жуира поймал
На предощущении скуки!
Учуяв прогноз, граф запаниковал
И кинулся в омут науки.

Он в Laboratorium⁴, в Альпах, проник,
Где факелы мрак освещали.
Там матрицы формул и лестницы книг
О будущем веще вещали.

Похрустывал в нише костями скелет,
Вздыхали бродящие тени...
Ведун Кверцетанус⁵ – неведомых лет –
Внёс гостя в число обретений.

– Спаси вожденье! – воззвал де Бюсси
К столпу Алхимической Ложи. –
Мои ощущения от тленья спаси!
Ты ж маг, Кверцетанус! Всё можешь!

Прошу – Эликсира хоть капельку дай –
Эссенции тех откровений,
Что сделают щедрым мой чувственный рай –
Родник неземных наслаждений!

Звенел луидором Луи де Клермон
И бисером перлов хвалебных.
Горящему взору его в унисон
Кипел на конфорке алэмбик⁶.

– Эссенции суть, – Кверцетанус изрёк, –
Твоя квинтэссенция, друг мой!
Мы тычемся сердцем в порока порог.
Порок же – наш рок неподкупный.

1. Луи де Клермон де Бюсси д'Амбуаз (1549-79) – фр. граф, поэт; его образ выведен А. Дюма в романе «Графиня де Монсоро» (1846).

2. Тюильри – дворец фр. королей.

3. Антэрос – в др.-гр. мифологии – бог отрицания любви, внушающий чувственную холодность.

4. Laboratorium (лат. [лабораториум]) – лаборатория.

5. Кверцетанус (лат. Quercetanus) – наст. имя Иосиф Дюшен (1521-1609) – медик фр. короля Генриха IV, врач и алхимик.

6. Алэмбик – алхимический сосуд.

Взлетел Горный Ворон откуда-то вдруг
И, круг над алембиком сделав,
Пропал.
Тут же в бусах из чисел и букв
Возникла Железная Дева⁷.

— В веках я искал, — Кверцетанус сказал, —
Любви удержания способ.
Мой взор миллионы страниц истоптал
И стал от топтанья раскосым.

Ни злато из ртуты, ни жизнь из могил
Извлечь на Земле не способен
Никто!
Только я! Я — космических сил
Посол. Из созвездия Овен⁸.

Как древний номад вавилонских степей,
Как ветхозаветный отшельник,
Истёр я в муку тьму стеблей и камней —
Всё ради вот этой вот шельмы!

Железная Дева — не сил эликсир,
Но, как я провижу, сегодня
Доверит она тебе ориентир
В надзвёздной моей преисподней.

Вы в ней предадитесь тому, что ты здесь
Не мог и представить в мечтаньях.
Ни плоти недуги, ни духа болезнь
Тебя не сразят до скончания.

Рукой Кверцетанус взмахнул — и исчез,
Как Ворон.
Железная Дева
Ланитами заскрежетала:
— Балбес,
Что зришь направо-налево?!

Айда в преисподнюю — на небеси!
Там будешь любви мной научен.
И, каркнув, как Ворон, под зад де Бюсси
Пихнула коленом скрипучим.

Луи де Клермон, став блее Луны,
Промямлил:
— А где Квер-цет-анус?
— Дурак ты, Луи! Ты — как все болтуны!
Пошёл он!.. — Не в рифму! — В Осанну⁹.

На что нам замшелый старпёр? Мы вдвоём
В его преисподней надзвёздной
В любовной баталии ночь проведём —
Иначе потом будет поздно.

Ну?.. Хватки объятья мои, кавалер?
Отныне ты мой! Хоть и циник.
Поставит тебя всем клиентам в пример
Мой падре Иосиф — алхимик.

— Ложись! — приказала, болтами звеня,
Железная Дева Клермону. —
Балбес! Да не рядом со мной! А в меня!
Сподобь свою плоть эмбриону,

Любовник ты клёпанный! Стружки в мозгу!
Прижми подбородок свой к чреслам.
Я чрево с тобою сомкнуть помогу —
Как гузно Иосифа — с креслом.

Стальная утроба моя — аки гроб!
Ну что ты трепещешь так шибко?
Задремлешь, как в люльке, — без всяких хвороб,
Хоть зыбко сравнение с зыбкой.

Поспи! Пока дух не потух, не протух.
«Rosarium Philosophorum»¹⁰
Гласит: ты тут нужен, как квочке — петух¹¹,
Как хору алхимиков — кворум.

Луи де Клермон де Бюсси д'Амбуаз
Объятьями Девы Железной
Был втиснут во чрево её — и тотчас
Расплюсчен стальной его бездной...

Во мраке сироткой бродила Любовь,
Света себе сердца алмазом.
Три Ворона Горных из разных углов
Взлетели и каркнули разом.

— Предание предало это перо! —
Воскликнет знаток мелодрамы. —
Луи был любовником де Монсоро —
Графини. И пал из-за дамы.

В её будуаре разбит был он в пух
Банд-группой рогатого мужа.
— Всё так, оппонент мой.
Но мистики дух
Поэтике служит не хуже.

АЛХИМИЯ (любви)¹²

«Как ни один алхимик не получил Эликсира,
однако славит свой алёмбик,
беременный зловонием или неким снадобьем,
так и мечты влюбленных
полны роскошных и долгих радостей —
но то всего лишь краткая летняя ночь,
подобная зимней стуже».
(Джон Донн)

На атомы распавшись, мир¹³
Морочит наважденьем:
Сыщи меж червоточных лир
Ту, что чревата пенем.

Среди забытых бытиём,
Забытых ощущений
Такое отыщи, в каком
Гнездится зуд весенний.

В реторте чувственной стихи
Всей страстью возгони-ка —
Чтоб стали лёгкие легки
От сладостного крика.

Построй такой порядок слов
В нагом моленье телу,
Чтоб до Искусства!
Ремесло
Любви,
Как песнь, взлетело.

Сакральной тягу назови
К любимой. Без всячества.
Добудь алхимией любви
Единственное яство —

И потчуйте взаимно плоть,
Свои спасая души,
Под эликсиром солнца — в плоть
До смертной зимней стужи.

АЛЧБА

Алчбой любви пронизан Интернет.
Куда ни кинь — всё в клиньях разобшён.
В прорехах — ткань когда-то слитных лет,
В обрывах — нити воссоединенья.

На частных благах — общее клеймо.
Несчастье-счастье — под один эпитет
Подведены. Экрана так бельмо
И алчет фильма — но его не видит.

АЛЧНЫЙ

Желудок алчен по природе.
И столь же туп упрек ему,
Как шпильки неучей в народе
За жажду к знанию — уму.

И так же детородный штопор
Бывает жаден — до поры.
Когда он, вдав нежданно в штопор,
Не сможет открывать миры.

АЛЫЙ

Оставив временно Париж,
В советский рай приехав,
Жак Дувалян¹⁴ пел о Маи
С армянско-галльским смехом.

Как самый первый шансонье
(Вертинский был не в счёте) —
Он в СССР был «на коне»,
Гарцующим в болоте.

— Мари прогуливается
Вдоль по дорожке,
Вдоль по дорожке,
Вдоль по дорожке...
Вокруг народ волнуется:
— Какие ножки!..
Какие ножки!..
Какие ножки!..

Жак Дувалян¹⁴ был из армян
«Французского разлива».
С СССР он вил роман
Игриво и красиво!

Но красным мнение левца
От этого не стало.
Лицо от красного винца
Лишь алым пребывало.

То ль от вина, то ль со стыда —
Кто скажет нам об этом? —
С лица флаконная вода
Стекала алым светом.

Так растворялся белгийский грим
Ночной парижской сцены.
Напоминавший цвет зари
Над сумеречной Сенной.

7. «Железная Дева» — человекоподобный автомат. Впервые появился в др. храмах Вавилона и Египта. В смертельные объятия Железной Девы заключали нечестивцев.

8. Астрологи Вавилона называли созвездие Овен — «Наемный работник».

9. Осанна — (от евр. «Гошианна!» — Спаси же!) — молитвенный возглас др. евреев при торжествах и молитвах.

10. «Rosarium Philosophorum» [Розариум Философов] (Розарий Философов), или «Венок из роз» — один из главных трудов по практической алхимии в Средние века (1550).

11. Ты тут нужен, как квочке петух — парафраза стиха из «Rosarium Philosophorum»: «О Солнце, сияй всеми лучами... Ты необходим мне, как петух курице» (Интернет: Яндекс. Юнг К.Г. Психология и алхимия: 4. Prima Materia).

¹² Тема навеяна стихотворением англ. поэта Джона Донна «Алхимия любви» (ок. 1596), фрагмент из «рого» (в подстрочном пер.)

¹³ Образ из поэмы Дж. Донна «Анатомия Мира» (1611).

¹⁴ Жак Дувалян (1920-2008) — французский шансонье: в 1954-65 — жил и концертировал в СССР.

В палитре памяти сто лет
Ал Дуваляна колер!
Не обесцветит этот цвет
Весть, что хозяин помер.

– Что там ни говори,
Свет утренней зари
Пресамый алый цвет на свете.
Ни маки алые,
Ни алый лик Маг –
Моё так сердце не приветят.

АЛЫЧА¹⁵

– Красоты земли грузинской где скрываются секреты? –
Лбы ломают чужестранцы – пейзажисты и поэты.
Улыбаются на это и в Кахети, и в Месхети¹⁶.
– В Сакартвело¹⁷ даже камни под ногами – самоцветы.

В Имерети¹⁸ скажут:
– В розах Грузии красоты разгадка.
– Это так, – поддакнут в Картли¹⁹. Но добавят для порядка:
– Всякому, кто на ткемали²⁰ взор свой вскинёт,
– станет сладко,
И от головокруженья чёткий шаг качнётся шатко.

Бело-розовое море в пору бурного цветения
Омывает все долины, и отроги, и селенья.
В пышных зарослях ткемали птицы славят песнопеньем
Дни весенней благодати – счастья олицетворенье.

Как предание глаголет –
В Грузии, во время оно,
Расцвел сам Бог цветами все поля её и склоны,
Все сады её и нивы так раскрасил увлечённо,
Что когда работу кончил – сам же замер восхищённо.

Но едва цветы успели друг на друга подивиться,
Как заносчивая роза назвала себя царицей.
А в того, кто из гордыни вдруг бы вздумал возмутиться,
Острые шипы готовы были сразу же вонзиться.

Поглядев на самозванку, сникли ландыши в печали,
Впав в апатию, ромашки разве только не опали,
И акации с сиренью чуть в досады не увяли,
И едва не облетели вишни в горечи с ткемали.

Не сказать – в какой ревнивой роза бы зашлась тревоге,
Кабы знала, что Кекеле²¹ под ткемали шепчет Гоги²².
– По сравненью с ликом милой, розы лепестки – убоги,
По сравненью с милым станом, стебли розы – кривоноги.

Как уютно здесь, под кроной, любоваться мне тобою!
Ветви светятся над нами – счастья нашего зарёю.
Весь свой век я помню буду, пока веки не закрою,
Что моей ты согласилась под ткемали стать женою.

Справим свадьбу в Тбилисобо²³ мы на солнечном приволье –
Чтобы вся родня большая стала пиршеством довольна.
Приготовим всё, что надо, – на любое своеволие,
Да прославится на годы наше брачное застолье!

Все фамильные рецепты извлеки на свет ты Божий,
Чтоб под соус из ткемали стол гостями был изложен.
...А когда весь путь наш будет из конца в конец исхожен,
Мы придём сюда с тобою и, как жили, – подытожим.

АЛБАТРОС

*«Смотри, эта белая птица –
пленица неба...»²⁴*

Небо в переплетье звёзд –
Мира клеть с решётками.
Царствует в ней альбатрос
Без оков.
Но всё-таки –

Будто пригвождён к одной
Цели – волей помысла:
Обогнуть весь шар земной,
Но – достигнуть полюса.

Не полярной точки, нет, –
Северной ли,
Южной ли...
Той – где исходит свет
Зов подруги суженой.

Я бравую окоём
Оком, слепо верящим
В то, что обнаружу в нём
Вечное прибежище –

Не для той поры, когда
Дни мои прикончатся,
И затопчется звезда
В прах Пегасов конницей,

А для завтрашней зари
С звёздчатыми росами,
Чтоб нам вместе воспарить –
Будто альбатросы мы.

АЛЬБИНОС

*«Прости-прощай, дитя!»
Брундийская песня)*

Бессмертная, святая Танганьика!
Бездонна ты, как небо и душа...
Бежит прибой от крика, гика, клика
Безумной матери у тельца малыша.

Ребёнку имя древнее – Нкорока
Пред рождением дали колдуны,
Как вдруг у лона взмыли духи рока,
Окрасив кожу сына в цвет Луны.

Шаманы закричали: – «Зёру-зёру!»²⁵
И, танцем барабанным разделив
Нормальный мир и хилую химеру,
Мольный завели речитатив.

Нкорока рос в миру без милосердия
Плюющихся презреньем дикарей.
Его отец – рыбак – ценю усердия
Просил терпимости у рыбаков.

Один ведун, по имени Джакая,
Сказал Мизенге – мальчика отцу:
– Усердие твоё – тропа кривая
К Имана²⁶ недоступному лицу.

Чтоб у Имана вымолить прощенье,
Ты Танганьике, без бесплодных слов,
Живое соверши преподношение.
И вырастет – увидишь сам – улов.

У отщепенца белого – Нкороки –
Тебе придётся жизнь ножом отнять
И, череп ослепив голубокий,
Со скальпа срезать золотую прядь.

Едва вплетёшь ты в невод эти нити,
Как тут же их солнцеподобный блеск
Привадит окуней в азартной прыти,
Что до небес взметнёт озёрный плеск.

И если дух Имана с Танганьикой
Сполна своим ты даром утопишь,
В душе твоей, как кожа, черноликой
Благословенная наступит тишь.

Тогда ножом ты вскрыешь рыбе чрево,
И рассыпъ золота в икре найдёшь.
То будет факт, как то, пальма – дерево,
А альбинос – отребье, грех и ложь.

Убив его, ты сразу станешь вхожим
В потусторонний мир. И в свой черёд,
Когда твоим костям и чёрной коже
Придёт конец, – тебя он обойдёт.

...Мизенге, впадши в транс, подобно зомби,
Последовал совету колдуна.
Нкорока спал. В предутреннем ознобе
Так – прежде чем погаснуть – спит Луна.

Душа Нкороки смутно отлетела
Туда, где дух Имана воспарил.
Отец взглянул на неживое тело,
Потом на липкий нож и заорал.

Стремглав проснулась Сальма, мать Нкороки.
С соломенной циновки соскочила:
– Спи, мальчик золотой мой, синеокий!... –
Как спазмы вдруг заклинили мотив

Её привычной колыбельной песни,
Которой нежно радовался сын.
Не в силах сбросить страха саван тесный,
Что дух её опутал до глубин.

Метнулась Сальма тенью к Танганьике.
Там ник на окровавленном песке
Сыночек. А по озеру в подпрыге
Шёл некто с лысым черепом в руке.

– Укрою, дай, сынок, тебе колени! –
Взывало сердце Сальмы. Эта песнь
Неслась поверх плывущего Мизенги,
Которого покрыла смерти плесень.

15. Алыча – грузинская слива – ткемали.

16. Кахети, Месхети – историко-географические области на востоке и юге Грузии.

17. Сакартвело – национальное название Грузии.

18. Имерети – историко-географическая обл. в зап. Грузии.

19. Картли – историко-географическая обл. в центре Грузии.

20. Ткемали – грузинская дикая слива, вид алычи.

21. Кекела (Красивая) – грузинское женское имя.

22. Гоги (Храбрый) – грузинское мужское имя.

23. Тбилисобо – грузинский праздник урожая, мастеров, а также «День города Тбилиси»; отмечается в конце октября.

24. «Смотри, эта белая птица – пленица неба...» – строки из песни «Альбатрос» (репертуар фр. певца Джо Дассена /1938–80/). Авт. текста – сам певец и Клод Лемоль /Пер. на рус. – «Belcatur»: Яндекс/; мелодия – Пьер Деланоз. (Благодарю за справку Светлану Макаренко, чл. Междунар. СП «Новый современник»).

25. «Зёру-зёру» – на яз. суахили – духоподобное существо, призрак, привидение.

26. Имана – верховный дух в традиционных верованиях народов Бурунди и Руанды, источник жизни и добра.